

Бенгт Янгфельдт

(Стокгольм)

О РОМАНЕ ЯКОБСОНЕ И ЕГО ОЦЕНКЕ О.М. БРИКА

В начале 70-х годов Василий Абгарович Катанян подарил мне машинопись своей книги «Не только воспоминания», которая могла выйти только после падения советской власти. Название – парафраза на название статьи Маяковского, написанной для номера «Лефа», посвященного десятилетию Октябрьской революции. Вторая часть книги Катаняна начинается словами: «Он рассказывает о том, что было, без всякого усилия воспоминания. «О, погреб памяти! Давно я не был в нем», – пишет Хлебников. Никаких погребов! Всё тут же под рукой. Не составляет никакого труда снять с полки памяти любой эпизод, о котором зашла речь». Он – это Роман Якобсон. Катанян продолжает: «Когда я впервые слышал Р.О. Якобсона, меня поразила легкость обращения со своей памятью как с суммой точных знаний, которые без всяких расходов на художественность, образность сравниений и прочая излагались слушателям».

В начале семидесятых годов я стал собирать материалы о Маяковском. Тогда еще были живы многие друзья и знакомые поэта, и так как я собирался писать о нем диссертацию, то, естественно, старался встретиться с ними. Тут были Лили Юрьевна Брик и Василий Абгарович Катанян, но и Лев Гринкруг, Луэлла Краснощекова, Татьяна Гомолицкая (приемная дочь Сергея Третьякова), Галина Катанян, Вероника Полонская, Рита Райт и другие. Со всеми у меня сложились хорошие отношения, с некоторыми из них даже близкие. Эти знакомства позволили мне составить представление о взглядах и настроениях в кругу Маяковского – не «объективную» картину, разумеется, а именно представление о том, какими мыслями и идеалами жил этот круг.

Одного человека из ближайшего окружения Маяковского я не застал: Осипа Брика. О нем вспоминала Лили Юрьевна, и не только она, с неизменной теплотой, восхищаясь его добротой и умом. Об интеллектуальных способностях Брика высказывался и Роман Якобсон, со-основатель ОПОЯЗа вместе с Бриком и другими. В послесловии к переизданию статей Брика «Звуковые повторы» и «Ритм и синтаксис» в Америке в 1964 году он охарактеризовал его следующим образом: «Самыми поразительными чертами его мысли являются способность строгого, последовательного анализа с точными определениями в сочетании с неизменной склонностью к непоколебимой, смелой схематизации»¹. А в частном разговоре со мной, записанном мною сразу, он заметил: «Я бы даже сказал, что в нем были черты гениальности»².

Однако о Брике, и особенно о его биографии, в те годы было мало известно. О его жизни мы узнали подробней только много лет спустя, благодаря усилиям Анатолия Васильевича Валюженича и его книге о Брике³ – кстати, имя Валюженича упоминалось довольно часто в разговорах с Лили Юрьевной и Василием Абгаровичем: «Вот есть в Казахстане такой инженер, который собирает все про Осипа Максимовича».

¹ Jakobson, Roman. Postscript // Brik, O.M. Two Essays on Poetic Language. – Ann Arbor, 1964. – P. 79 (Michigan Slavic Materials, No. 5, 1964). См. также перевод в наст. издании, с. 562–563.

² Запись 8–9 сент. 1975 г. Архив автора.

³ Валюженич А.В. О.М. Брик. Материалы к биографии. – Акмола, 1993.

* Ср. в воспоминаниях Вяч. Вс. Иванова: «Якобсон... о Брике отзывался не иначе как о гении» [Иванов Вяч. Вс. О Романе Якобсоне (Глава из воспоминаний) // Звезда, № 7, 1999]. (Примеч. ред.)

В июле 1973 года я прилетел в Москву на открытие юбилейной выставки Маяковского «20 лет работы». Выставка получилась хорошая, несмотря на сильное сопротивление со стороны антибровковского фланга в ЦК КПСС и Министерстве культуры РСФСР⁴. К выставке была выпущена книжка «Маяковский делает выставку», которую Лили Юрьевна хотела переправить Якобсону в Америку. По почте это сделать было нельзя – она вряд ли дошла бы. Поэтому она попросила меня отправить книжку из Стокгольма, что я и сделал. Как мне кажется, не лишено интереса следующее описание обстановки тех лет из моего письма к Якобсону, приложенного тогда к посылке:

Работал над выставкой и книгой Константин Симонов⁵. Он делал всё, что мог, но ему мешали в работе; за день до открытия выставки какие-то бандиты хотели отстранить все экспонаты, связанные с Лили Юрьевной – книгу «Про это», афишу «Закованная фильмой» и т. д. Но мало того, ему, говорят, пришлось своими деньгами платить рабочим, чтобы выставка была готова вовремя! Он сам работал как собака, хотя был болен, и за два часа до открытия он сам поехал за стёклами, чтобы прикрыть стенды!!!⁶

На фоне тогдашней ситуации в официальном «маяковедении», где главной задачей было устранение Бриков из биографии Маяковского, мне показалось жизненно важным сохранить для потомства воспоминания Якобсона. Тем более что я знал, какая у него феноменальная память. Завел я разговор с ним на эту тему в сентябре 1975 года, когда он был в Стокгольме. Относился он, надо сказать, к этой мысли без особого энтузиазма. Причина была простая. Ему было под восемьдесят и он предпочитал уделять оставшееся у него время, как он выражался, «будущему, а не прошлому». Именно в это время он был занят работой над лингвистической книгой, которая вышла несколько лет спустя⁷. Но отношение изменилось после того, как через несколько месяцев, поздней осенью 1975 года, он познакомился со стокгольмским сборником, посвященным Маяковскому⁸. Среди прочих материалов, в сборнике была напечатана статья В.А. Катаняна об игре в буриме в 1919 году, в которой участвовал, помимо Маяковского, Хлебникова и других, Якобсон. «Ваш том о Маяковском замечательно интересен и побудил меня снова взяться за свои воспоминания и размышления о Маяковском», – писал он мне в январе 1976 года и предложил написать для спланированного второго сборника комментарий к этой статье⁹. Этот сборник, однако, не вышел.

Отношение Якобсона к идеи записи его воспоминаний о футуризме еще более изменилось после того, как он прочел мою диссертацию о Маяковском и футуризме в 1917–1921 гг., в которой подчеркивается значение лозунга «Революции Духа» для Маяковского¹⁰. Книга вышла в апреле 1976 года, и я сразу послал ее Якобсону.

⁴ См. статью Л. Алексеевой «Маяковский в культурном социуме 1950–1970-х годов: интерпретация источников средствами музеиной экспозиции», в сб. «Творчество В.В. Маяковского в начале XXI века», М., 2008, с. 627–630.

⁵ О значении К. Симонова для успеха выставки см. там же.

⁶ Письмо автора к Р.О. Якобсону от 25.07.73. Цитируется по черновику в архиве автора.

⁷ Jakobson, Roman and Linda R. Waugh. *The Sound Shape of Language*. – Bloomington, Ind: Indiana University Press and London: Harvester – London, 1979.

⁸ Bengt Jangfeldt, Nils Åke Nilsson. *Vladimir Majakovskij: Memoirs and Essays*. Stockholm Studies in Russian Literature, 2. Stockholm, 1975.

⁹ Письмо Р.О. Якобсона ко мне от 15.01.76. Архив автора.

¹⁰ Majakovskij and Futurism 1917–1921. In: Stockholm Studies in Russian Literature, 5. Stockholm, 1976.

В ответ он написал мне восторженное письмо – которое я так и не получил: только что приватизированная американская почта в те годы работала очень плохо. Но об этом письме и он, и его жена Кристина Поморска рассказали мне, когда мы снова увиделись в Стокгольме, в сентябре 1976 года. В этот раз, когда я поднял вопрос об интервью с ним, он отнесся к этой мысли весьма положительно, хотя просил «очень помнить, что я буду страшно занят фонологической книгой, которую обязался кончить за этот учебный год. Придется на беседы урывать время»¹¹. А перед моим приездом в Кембридж в феврале 1977 года он писал: «Радуюсь предстоящим встречам и беседам»¹².

Беседы были записаны в Кембридже и дополнены летом 1977 года на острове Готланд, где Якобсоны отдыхали. Записи не были рассчитаны на публикацию, речь шла именно о сохранении для потомства уникальных воспоминаний о футуризме и футуристах. Но после смерти Якобсона Кристина Поморска завела со мной разговор на эту тему, и после того, как она умерла в 1986 году, Фонд Якобсона в лице Стивена Руди обратился ко мне с официальной просьбой отредактировать беседы и издать их вместе с другими материалами: статьями, письмами, стихами. Вышли они по-русски в Стокгольме в 1992 году, а потом и по-английски и по-немецки¹³.

В предварительных разговорах Якобсон выразил желание, чтобы беседы были «некцензурными», т. е., чтобы мы не избежали трудных вопросов. Посыпая ему до своего приезда в Кембридж «Общий план» бесед, я писал: «Исходя из того, что Вы сказали в Стокгольме о желательной “некцензурности” таких бесед, план включает и разговор о “любовной лодке”. Но вопрос о степени “цензурности” деликатный, и решение его останется, конечно, за Вами»¹⁴.

Как Якобсон хотел, беседы получились «некцензурными». То есть Якобсон позволял себе говорить о вещах, о которых раньше не говорил. Это касалось не только «любовной лодки», т. е. личной жизни Маяковского, но и работы Брика в ЧК (см. выдержки из этих бесед на с. 567–568 наст. издания).

Память Якобсона была действительно исключительна. Как радио, на котором крутишь кнопку и вдруг ловишь какую-нибудь дальнюю станцию с предельно четким голосом. Так было с ним: ловишь станцию, скажем «Петербург, январь, 13-й год», и слышишь: «Да, это должно было быть в пятницу, потому что в субботу я был уже в Москве». Другой пример. Во время моего пребывания в Кембридже Якобсон несколько раз ходил в Гарвардскую библиотеку, чтобы проверить цитаты для книги, над которой он работал. Обычно он полагался на свою феноменальную память, но в этот раз решил проверить ее, тем более что книга эта, «The Sound Shape of Language», была, по его же определению, его «лингвистическим завещанием». И проверял он не зря. Он рассказал мне, что после посещения Трубецкого в Вене в 1929 году осталось несколько свободных часов до трамвая, который должен был везти его обратно в Братиславу. Он зашел в библиотеку посмотреть одну латинскую рукопись, которую с тех пор всегда цитировал по памяти. «И Вы можете себе представить: неправильно!» – сообщил он мне с искренним удивлением, обнаружив спустя пятьдесят лет свою ошибку.

¹¹ Письмо Р.О. Якобсона ко мне от 03.10.76. Архив автора.

¹² Открытое Р.О. Якобсона ко мне от 13.01.77. Архив автора.

¹³ Бенгт Янгфельдт. Якобсон-будетлянин. Stockholm Studies in Russian Literature, 26. Stockholm, 1992. My Futurist Years, New York, 1997. Meine futuristischen Jahre, Berlin, 1999.

¹⁴ Письмо автора к Р.О. Якобсону от 14.12.76. Цитируется по черновику в архиве автора.

Р. О. ЯКОБСОН ОБ О.М. БРИКЕ

Брик был [...] своеобразен. Для докторской – или кандидатской – работы он хотел писать о социологии и юридическом положении проституток, и он ходил на бульвар. Там его знали все проститутки, и он всегда защищал их, бесплатно [...] Они его даже называли «б-ским папашей» или что-то в этом роде. [...] Ося как-то умел сесть и работать, и никто ему не мешал. Когда я впервые туда попал, он [...] фанатически занимался метрикой и поэтикой. Он приходил к изумительным идеям – о Бенедиктове, о «Носе» Гоголя. Потом, когда он стал отходить от поэтики и скорее занимался социологией искусства, у него была, например, замечательная интерпретация романа Золя «L'Œuvre», показания художника, которые он сопоставлял со всякими дневниками и письмами русских передвижников. [...]

Способность у него была исключительная. Он чуточку знал древнегреческий. Вдруг он пришел к каким-то выводам относительно греческого стиха и позвал [филолога Осипа] Румера. Тот его выслушал и сказал: «Поразительно, это новейшее открытие, только что недавно было сделано». Для Брика это было как крестословец.

Он был страшно ироничен, но ироничен не злобно, а так – курил и говорил. Помню, как сидели у меня, в моей довольно тесной комнате – он, Лиля и Володя и я – в восемнадцатом году. И Володя читал еще не окончательно доработанную «Мистерию-буфф». После чтения он стал говорить, что он не знает, поймут ли, что это настоящее революционное искусство вообще. А Ося говорит: «Ты думаешь, что это коммунистическая революция, да? „Ты первый вхож в царство мое небесное...“ Ты думаешь, что это – тема?» Во второй версии этого уже нет.

Брик был одним из самых остроумных людей, кого я только знал – и остроумен тем, что никто никогда не видел, чтобы он смеялся. Он всегда говорил совершенно серьезно. [Однажды в Берлине] мы разговаривали с Бриком по поводу только что вышедшей книги Шкловского «Zoo». Брик сказал: «Витя странный человек. Он не научился грамматике – он не знает, что есть слова неодушевленного рода и что ВЦИК имя неодушевленное. У неодушевленных предметов чувства юмора нет, так что со ВЦИКом шутить нельзя».

Брик не делал много, что мог бы делать. Поразительное дело – но у него не было амбиций. Его даже не интересовало довести какую-нибудь свою работу до конца¹⁵. Зато он щедро раздавал свои мысли. И он очень ценил работоспособность в человеке, талантливость; так он относился к членам Московского Лингвистического Кружка. Ему нравились те, кто приходил с неожиданными вещами.

Это – о положительной стороне личности Брика. А в нем были и другие качества – или каких-то качеств не хватало. В частной беседе, записанной мной не на пленке, а на бумаге, Якобсон говорил, что Брик «был лишен категории этики».¹⁶ А в беседах, вошедших позднее в книгу, он говорил следующее:

Меня он вообще любил, но когда я пришел к нему и сказал, что мне грозит попасть в дезертиры, он ответил: «Не вы первый, не вы последний». И ничего не сделал. [...] В Чека Брик поступил вскоре после моего отъезда. Богатырев, который ко мне

¹⁵ Ср. слова Шкловского о том, что у Брика «нет воли к совершению» (Шкловский В.Б. Третья фабрика. – М., 1926. – С. 62).

¹⁶ Запись 8–9 сент. 1975 г. Архив автора. Ср. определение Шкловского рациональности Брика: «Если отрезать Брику ноги, то он станет доказывать, что так удобней» (Третья фабрика. Там же).

приехал в Прагу в декабре 1921 года, рассказывал, что тот в Чека – от него я узнал. И он рассказывал, что Пастернак, который к ним часто ходил, говорит: «Все-таки страшно становится. Вот придешь, а Лия скажет: "Подождите, скоро будем ужинать, как только Ося [придет] из Чека"»¹⁷. В конце двадцать второго года я встретил Бриков в Берлине. Ося мне говорит: «Вот учреждение, где человек теряет сентиментальность», – и начал рассказывать несколько довольно кровавых эпизодов. И тут-то он в первый раз произвел на меня такое, как Вам сказать, отталкивающее впечатление. Работа в Чека его очень испортила¹⁸.

Запись и публикация Бенгта Янгфельдта

¹⁷ Брик служил в Чрезвычайной Комиссии с июня 1920 года по 1923 год. Однако о характере его деятельности в этой организации мало известно. См., например, мою книгу «Ставка – жизнь. Владимир Маяковский и его круг» (М., 2009. – С. 168, 488–493).

¹⁸ Цитаты приводятся по кн.: Бенгт Янгфельдт. Якобсон-будетянин, с. 35–37.